
**«В ГОССОВЕТЕ – ВАВИЛОНСКОЕ СТОЛПОТВОРЕНИЕ»:
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ЧЛЕНОВ
ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА
И СОСТАВ «ПРОГРЕССИВНОГО БЛОКА» В 1915 Г.**

А.Н. Мичурин

Кафедра истории
Санкт-Петербургский политехнический университет
ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия, 195251

В статье рассматриваются вопросы, связанные с политической борьбой в Государственном совете и Государственной Думе в годы Первой мировой войны, особенности организационной работы «Прогрессивного блока» во время общественно-политического кризиса 1915–1917 гг., влияние отдельных вопросов на целостность этого политического объединения.

Ключевые слова: Государственный совет, Государственная Дума, Прогрессивный блок.

«Прогрессивный блок» в отечественной историографии упоминается достаточно часто в связи с политическим кризисом в Российской империи в годы Первой мировой войны. Однако вопрос персонального состава блока в Государственном совете слабо изучен, в связи с тем что списочный состав групп не соответствует реальным политическим симпатиям отдельных членов верхней палаты российского парламента. Это приводит к многочисленным фактическим ошибкам, устранить которые возможно путем привлечения архивных документов (прежде всего переписки того времени) и мемуаров, к которым нужно относиться достаточно критически.

В этой связи важным представляется обрисовать в данной работе тот политический фон, на котором образовался «Прогрессивный блок», и без учета которого сложно представить его формирование, и реальные взгляды так называемой «политической оппозиции» в Государственном совете (как групповые, так и индивидуальные). Это поможет понять отсутствие каких-либо реальных групповых интересов в составе «Прогрессивного блока» среди членов Государственного совета и искусственность его формирования.

Начало образованию «Прогрессивного блока», сыгравшему большую роль в политической борьбе в России в годы Первой мировой войны, положило объединение различных оппозиционных сил не только в Государственной Думе, но и в Государственном совете: «Первая стадия блока: центр, внепартийные и академическая группа Государственного совета. Только по объединении этих советских групп и выработки ими программы действий

стало возможным вести переговоры с соответствующими организациями Государственной Думы» (1). А кадетская «Речь» 5 августа отмечала зарождение блоков в верхней палате, связывая это с желанием правых создать какое-либо объединение с нейдгардовцами. При этом делались прозрачные намеки на ответные ходы: «С другой стороны явственно обозначилась нарождающаяся группировка вокруг В.Н. Коковцова, который, по-видимому, будет лидером “делового консерватизма”» (2).

Уже в этот момент определилась возможность сговориться во фракциях Государственной Думы по вопросу «коалиционного министерства». На это прямо указывала прогрессистская газета «Утро России», отмечавшая даже приблизительные контуры будущего объединения – «от крайних левых до правых октябристов включительно и коснется, быть может, даже некоторой части националистов» (3).

Сами прогрессисты рассматривали будущее объединение как возможность с его помощью направить депутацию к царю с целью образования ответственного министерства, поэтому прогрессисты считали вполне естественным исключение представителей левых партий от участия в собрании, имевшем целью посылку депутации к монарху. Напротив, кадеты считали, что цели внутридумского объединения намного шире. П.Н. Милуков включал в них единение с общественными силами, выработку единой программы и определение характера будущего правительства: «Далее следовало выполнение одной из главнейших задач: сближение думского блока с Государственным Советом» (4). При этом Милуков считал, что только в период переговоров между думской и советской частью блока в Государственном совете «выдвинулась группа, готовая идти вместе с нами» (5).

То есть П.Н. Милуков считал, что только после образования блока в Государственном совете выделилась та часть оппозиционных членов верхней палаты, которая разделяла программу блока.

С.И. Шидловский вообще не знал подробностей организации блока в Государственном совете и считал только, что «она была менее сплочена, чем в Думе» (6). Это вызывает тем большее удивление, что члены Государственного совета объединились уже в конце июля, а степень их сплоченности не могла быть значительной из-за отсутствия в группах верхней палаты строгой партийной дисциплины.

Выяснив очертания будущего объединения в Государственной Думе на заседании 9 августа 1915 г. на квартире председателя Думы М.В. Родзянко, оппозиционные парламентские круги вплотную подошли к созданию внутривластного объединения с привлечением членов верхней палаты.

Это собрание состоялось 11 и 12 августа 1915 г. с участием представителей трех групп Государственного совета (левой, центра и кружка внепартийного объединения) и представителей думских фракций – прогрессистов, кадетов, «Союза 17 октября», земцев-октябристов, центра и националистов. При этом формально представителем четвертой группы Государственного

совета (внепартийных) был М.А. Стахович. На первом же заседании были выделены три ключевых вопроса, которые поставили члены верхней палаты. Это вопросы об основах программы, персональном составе нового правительства и о том, что это правительство должно делать.

Члены Государственного совета были очень активны в своих выступлениях, и заявления М.А. Стаховича (внепартийный), Д.Д. Гримма (левый), Д.А. Олсуфьева (центр), В.И. Гурко (кружок внепартийного объединения), князя А.Д. Оболенского (центр) дают представление о той позиции, какую занимали сами группы Государственного совета перед открытием собрания.

В.И. Гурко и М.М. Ковалевский настаивали на определении лица, которому можно доверить возглавить кабинет, а Олсуфьев и Стахович предлагали начать с программы. Общий ход прений выдвинул членов верхней палаты на передний план, поэтому А.И. Савенко писал из Петрограда к Н.К. Савенко 14 августа 1915 г.: «Собрались главные представители всех думских партий от кадет до левых националистов и главные представители центра и левого крыла Гос. Совета. Был весь цвет политического мира: М. Стахович, Князь Оболенский (автор Манифеста 17 Октября), Гурко, Максим Ковалевский, Гримм, Шебеко, Скирмунт. Граф Олсуфьев, Барон Розен, Меллер-Закомельский и др. Из них великолепно говорят Гурко, Граф Олсуфьев и Князь Оболенский» (7).

Из перечисленных Савенко членов Государственного совета только К.Г. Скирмунт (центр) не был упомянут в списке, опубликованном в газете «Утро России» за 27 августа, в котором перечислялись все представители верхней палаты, участвовавшие в выработке декларации блока: М.А. Стахович, барон В.В. Меллер-Закомельский, М.М. Ковалевский, А.Ф. Кони, И.А. Шебеко, В.И. Гурко, А.В. Васильев, князь А.Д. Оболенский, граф Д.А. Олсуфьев, Д.Д. Гримм, А.С. Ермолов, А.Э. Мейштович, барон Р.Р. Розен. Уже из этого списка ясно видно, что наибольшее количество участников переговоров с думской оппозицией дала группа центра: В.В. Меллер-Закомельский, И.А. Шебеко, А.Д. Оболенский, Д.А. Олсуфьев, А.Э. Мейштович, А.С. Ермолов, Р.Р. Розен и К.Г. Скирмунт.

Некоторые члены Государственного совета совсем не были не то что радикалами, но даже просто смелыми людьми. А.В. Бельгард пишет, например, что в члена Государственного Совета И.А. Шебеко в Германии в начале Первой мировой войны немцы «плевали... бросали в него разными предметами» (8).

При этом особо важным является то, что А.Д. Оболенский, А.С. Ермолов и Р.Р. Розен были членами Государственного совета по назначению, то есть представляли ту группу отставного чиновничества, которое М. Виноградским в одном из писем характеризовалось крайне определенно: «Ведь $\frac{3}{4}$ Гос. Совета – это тоже правительство» (9).

Этот взгляд был не нов и отстаивался в ряде работ, посвященных Государственному совету. В.В. Ивановский писал, что представительство ученых

в Государственном совете как элемента прогрессивного настолько ничтожно, что оно совершенно тонет среди многочисленных консервативных групп. Того же мнения придерживался и член Государственного совета М.М. Ковалевский (10). Об одном из таких «бывших» – Е.И. Алексееве есть место в воспоминаниях барона Розена: «He was a man of great intelligence, very liberal and well-balanced mind, clear insight and sound judgment in political affairs» (11). Странно, что Е.И. Алексеев, интеллектуал и либерал, вообще ничего не делал в Государственном совете, как пишет А.Ф. Редигер.

Сам А.Ф. Редигер, бывший военный министр и член Государственного совета, хотя и был представителем «тоже правительства», однако совсем не горел желанием сотрудничать с правительством, даже по вопросу обороны, и не хотел входить в состав Особых совещаний: «Мой приятель Воеводский вполне разделял мое мнение и также не желал попасть в члены этих совещаний» (12).

О В.И. Гурко, еще одной заметной политической фигуре в Государственном совете, хорошо написал А.В. Бельгард: «Обладая независимым, хотя и не очень внятным характером, В.И. Гурко выделялся всегда действительным знанием дела, точной определенностью своих взглядов и исключительной способностью легко и ясно формулировать свои мысли, но, по своему увлекающемуся характеру, он и в буквальном смысле слова, и вообще в жизни был типичный азартный игрок» (13).

М.М. Ковалевский, А.В. Васильев, Д.Д. Гримм входили в левую группу Государственного совета. А.Ф. Кони и В.И. Гурко представляли кружок внепартийного объединения, а М.А. Стахович примыкал к аморфной группе внепартийных.

Побудительным мотивом, объединившим столь разнородные силы в общем желании выработать приемлемую и объединяющую всех программу, стало искреннее желание внести перелом в обстановку на фронте. Это определенно выразил В.И. Гурко уже на первом заседании будущего блока 11 августа 1915 г.: «Нас объединила мысль о победе. Как изыскать способы победы?» (14). 12 августа на следующем заседании обсуждались меры, «необходимые для создания сильной власти и для восстановления доверия к ней в стране (акт милосердия и забвения, коренное изменение приемов управления, меры в области национальной и вероисповедной политики), так и законодательная программа, предложенная большинством Гос. Думы» (15). В результате переговоров решено было избрать согласительную комиссию в составе В.В. Меллер-Закомельского, В.И. Гурко, Д.Д. Гримма, А.Д. Оболенского, А.А. Олсуфьева – от Государственного совета и А.И. Савенко, Н.А. Ростовцева, С.И. Шидловского, П.Н. Милюкова – от Государственной думы.

14 и 15 августа 1915 г. велась работа по выработке единой программы складывавшегося блока. С.И. Шидловский считал, что «программы, вокруг которых объединились разные партии, к этому времени значительно устарели, и все более или менее серьезные партии ничего бы не имели против некоторого их пересмотра» (16). Поэтому работа шла очень плодотворно, хотя

и не без попыток членов Государственного совета умерить кадетскую основу данной программы, внесенной П.Н. Милюковым. При этом всеми участниками переговоров подразумевалась не просто программа, а программа, с которой можно разговаривать с правительством.

Интересно проследить именно за позицией членов Государственного совета.

В вопросе об амнистии у них не было разногласий. Олсуфьев, Гурко и Гримм настаивали на расплывчатой формулировке, а Оболенский хотя и предлагал остановиться на простой формулировке «по возможности», но видел в этом путь, чтобы иметь шанс согласиться с правительством. Оболенский также считал, что эта декларация не должна носить ультимативного характера, так как это – база для переговоров. В еврейском вопросе члены блока встретили наибольшее сопротивление со стороны членов Государственного совета. Однако, несмотря на возражения В.И. Гурко, В.Н. Львова, В.А. Бобринского и В.В. Шульгина, в общем, из хода обсуждений вытекало, что к этому моменту даже умеренно правые деятели, как В.И. Гурко и В.В. Шульгин, были согласны с формулировками кадетской декларации П.Н. Милюкова. Это произошло, прежде всего, из-за фактической отмены 4 августа 1915 г. черты оседлости, на что указал Гурко: «Черта оседлости поневоле улетела к черту» (17).

По всем остальным вопросам – веротерпимость, поляки западного края, украинский и финляндский вопросы, рабочее законодательство – особых возражений членов верхней палаты не было. В.И. Гурко соглашался на предложенную П.Н. Милюковым формулировку об «автономии Польши» потому, что снятие ограничений с польских землевладельцев изменяло всю ситуацию и давало им политическую силу. Поэтому отрицание уступок в вопросах автономии Польши могло привести к разрыву с членами верхней палаты, избранными от землевладельцев губерний Царства Польского, и, прежде всего, с И.А. Шебеко (центр). Да и общее настроение членов верхней палаты было таково, что вопрос шел уже намного дальше «автономии». 16 августа член верхней палаты граф В.А. Мусин-Пушкин благодарил Ф.Д. Самарина за его записку о Польше и разделял ее выводы о самостоятельности Польши, но при одном непременном условии – полного разгрома Германии и Австрии. Так что польский вопрос никоим образом не мог испортить результатов будущего соглашения, то есть повлиять на будущую программу.

Программа являлась приоритетом для соглашающихся сторон, и они шли даже на недоговоренности и условности при ее заключении, так как важно было представить правительству согласованный документ. Ради этого пошли даже на отказ присоединения к документу многих колебавшихся членов Государственного совета. Об этом спрашивай Оболенский: «Лучше ли присоединить большее количество, но с изменениями?». Ему энергично возражали Гурко и Крупенский, а М.М. Ковалевский отмечал: «Мы потеряем время, если через 4–5 дней не решим. В Гос. Совете – вавилонское столпотворение» (18).

В верхней палате продолжали проходить интенсивные консультации, целью которых было проинформировать заинтересованных членов Государственного совета о складывающейся обстановке. Так, уже 15 августа в Мариинском дворце состоялось под председательством барона В.В. Меллер-Закомельского общее собрание представителей левой группы, центра и кружка внепартийного объединения. Присутствовало свыше 40 чел. М.М. Ковалевский, В.И. Гурко и М.А. Стахович ознакомили участников совещания с обменом мнениями по вопросу о согласованной деятельности прогрессивных элементов обеих палат, который происходил в совещаниях членов Государственного совета и Государственной Думы.

Слухи о возможном объединении в законодательных палатах просочились уже после первого заседания блока 11 августа 1915 г. Иначе невозможно объяснить то, что уже 14 августа Я.А. Куломзин, сын председателя верхней палаты А.Н. Куломзина, писал: «По-моему ничего все то, что делается в Думе. Надо приветствовать образование центра, стоит большого...» (19). Я.А. Куломзин считал, что события не предвещают никаких нежелательных последствий: «Итак, по-моему, в Думе все хорошо и ей нечего пугаться, она ведет *«в большинстве»* свою линию *спокойно и правильно*. И не дай Бог, если Правительство пойдет наперекор. Тогда все пойдет прахом. Ничего, по-моему, и то, о чем ты писал маме, т.е. о желании членов от Думы и Г. Совета в совещании – сорганизоваться» (20).

Обсуждение намеченных пунктов программы по группам Государственного совета продолжалось до 22 августа 1915 г., когда состоялось общее собрание членов верхней палаты, входивших в состав образовавшегося «Прогрессивного блока». Собрание, по определению Меллер-Закомельского, председательствовавшего на нем, было немногочисленным. Рассматривались частные вопросы программы. На заседании выступил с большой речью В.Н. Коковцов, входивший в кружок внепартийного объединения, который в общем присоединился к программе «Прогрессивного блока». В результате программа была принята, и представителям верхней палаты было поручено довести об этом до сведения думских представителей.

Поэтому на состоявшемся несколько позже, 22 августа 1915 г., совместном заседании представителей обеих частей блока у Меллер-Закомельского представители Государственного совета могли выступить с согласованными предложениями. Прежде всего членам верхней палаты необходимо было объяснить собственную позицию и, по возможности, отстоять ее. В.В. Меллер-Закомельский разъяснял думским представителям, что невозможно добиться подписей членов Государственного совета, так как «члены по назначению, в громадном большинстве, не считают возможным принимать личное участие в петициях и других выступлениях. Но в безличной форме «программа за подписями многих членов Гос. Думы, рассмотренная в таких-то группах, принята» (21). П.Н. Милюков объяснял это тем, что «на совещании сочувствующих членов Гос. Совета программа была обсуждена и одобрена *en bloc*» (22).

В этой связи члены Государственного совета предлагали тождественную декларацию, так как это ставило бы их в сложное положение. Гурко разъяснял, что верхняя палата в процессе переизбрания, поэтому подпись члена Государственного совета под декларацией могла помещать его дальнейшей политической карьере. Ковалевский раскрыл даже технику одобрения в собрании «прогрессивных групп» декларации блока.

Совместное заседание трех групп – левой, центра и кружка внепартийного объединения – вылилось в фарс. Ковалевский назвал это «вавилонским столпотворением», а Коковцов «сходкой» (23). Крайняя малочисленность собрания и снижение, по свидетельству Олсуфьева, количества присутствующих с 35 человек до 15–20 привело к тому, что декларацию даже не рассматривали по пунктам. Поэтому члены верхней палаты очень осторожно подошли к подписанию декларации блока, предлагая подписать ее лидерам групп, что создавало бы видимость какой-то поддержки «Прогрессивного блока» в верхней палате. На 19 августа «прогрессивные группы» насчитывали 89 членов (левая группа – 12 членов, группа центра – 62 члена, кружок внепартийного объединения – 15 членов). Если прибавить к ним внепартийного М.А. Стаховича, то в сумме получится 90 членов против 100 членов других групп, входивших в Государственный совет на 19 августа 1915 г. Подписывать одобренную 20 членами Государственного совета декларацию, по меткому выражению Олсуфьева, было бы «самозванством».

Предлагая подписать декларацию лидерам групп, члены Государственного совета настаивали на том, что данная декларация блока направлена прежде всего к правительству. Если правительство поддержит предложения блока, то легко будет вести разъяснительную работу и в верхней палате. Против этого резко выступили прогрессисты.

Кроме прогрессистов, все остальные фракции и группы были готовы к разговору с правительством. П.Н. Крупенский, всегда занимавшийся «реальной политикой», на заседании 22 августа официально передал приглашение «Прогрессивному блоку» от правительства для вступления в переговоры. Но даже его удивила крайняя малочисленность активных членов Государственного совета: «Поддержка 10 каких-нибудь членов для нас меняет дело» (24). Видя малочисленность примыкающих к блоку членов верхней палаты, С.И. Шидловский все же настаивал на необходимости подписать документ без их участия и доставить его правительству.

Не нужно переоценивать и степень конфронтации членов Государственного совета, входивших в отдельные группы. А.Ф. Редигер, к оппозиции не примыкавший, вполне нормально общался с членами других групп Государственного совета: «На одном из заседаний Государственного Совета ко мне подошел его член, Стахович, которого я вообще мало знал, и сказал мне, что, будучи в армии, он слышал, что там все произведенные в ней после японской войны улучшения приписываются мне. Как человек штатский, он

сам мало знаком с моею деятельностью, поэтому эти отзывы его удивили, но он считает долгом передать их мне. Мне осталось лишь поблагодарить его за приятную весть. На этом же заседании, во время перерыва, когда я сидел в столовой и пил кофе, ко мне подошел граф Витте и увлек в другую комнату, где подвел меня к тому же Стаховичу, чтобы тот мне повторил то, что перед тем говорил Витте и что я уже слышал от него. Меня поразило искреннее сочувствие Витте тому, что обо мне говорили хорошо. Я его поблагодарил, сказав, что надеялся, что мои труды со временем оценят, но не ожидал, что так скоро и так лестно» (25).

А.Н. Наумов, близко знакомый с обстановкой в Государственной думе, метко отмечал, что «лидеры оппозиционных думских партий сумели взять “на поводок” слишком податливых представителей лояльно к правительству относившихся думцев» (26), а правые вообще отмечали в августе 1915 г.: «Ведут страну к выполнению своей, программы... кадеты, о чем председатель фракции народной свободы Милюков уже счел возможным прямо заявлять в публичных беседах» (27).

В Государственном совете блок не располагал большинством, что отмечалось уже в момент его зарождения. Мало того, сами участники «Прогрессивного блока» не знали, сколькими голосами в Государственном совете они могут располагать. В связи с рассмотрением всех документов «Прогрессивного блока» и одобрения их «en bloc» представители верхней палаты «затруднялись присоединить свою подпись непосредственно к документу» (28).

Вопрос этот вызывает противоречия в отечественной историографии еще и потому, что в своих воспоминаниях лица, явно симпатизировавшие блоку в момент его зарождения, последовательно отреклись от любого связывания своего имени с «Прогрессивным блоком». Так, В.Н. Коковцов, по видимому, сочувствовал политическому объединению в законодательных палатах и выступил с речью на собрании Прогрессивных групп 22 августа 1915 г., в которой «в общем присоединился к программе прогрессивного блока» (29). Однако в своих воспоминаниях В.Н. Коковцов дает блоку совершенно иную оценку, представляя себя пассивным зрителем происходивших в Государственном совете событий.

Коковцов указывает, что как председатель группы беспартийных он «старался быть совершенно в стороне от всякого оппозиционного движения и вместе с кн[язем] Васильчиковым и бар[оном] Иксулем открыто говорил о бесполезности и даже недопустимости для членов по назначению какого-либо активного участия в этом движении» (30).

Первоначально «Прогрессивный блок» рассматривался как возможно более широкое объединение всех представителей Государственного совета, даже не входивших в состав «прогрессивных групп» (левой, центра и кружка внепартийного объединения). Только этим можно объяснить, что 11 августа А.Н. Наумова, перешедшего из правой группы в правый центр, но в спи-

сках групп Государственного совета числившегося как внепартийный (31), звал на первое собрание блока Д.А. Олсуфьев (центр). Повторное приглашение Наумов получил 12 августа от М.В. Родзянко. Олсуфьев являлся главой Саратовского союза 17 октября и характеризовался как стоящий на умеренно правых позициях, но А.Н. Наумов, по его словам, отказался пойти на собрание, где формировался «Прогрессивный блок». Однако на это совещание не отказался пойти внепартийный М.А. Стахович, принимавший затем активное участие в работе «Прогрессивного блока». Не ясен вопрос и с А.Ф. Кони, которого газета «Утро России» причислило к участникам блока. По воспоминаниям А.Н. Наумова, А.Ф. Кони был убежденным противником института «ответственного министерства» и заявлял о его «безусловной неприменимости для российского государственного быта» (32).

Из того, что и прогрессисты, и кадеты считали, что блок в Государственном совете не обладал большинством, можно заключить, что не все члены «прогрессивных групп» поддерживали образование «Прогрессивного блока». В сумме три «прогрессивные группы» обладали большинством: 89 членов против 80 членов правой группы и группы правого центра. Но А.А. Корнилов писал о том, что «в момент формирования блока к нему примкнули лишь группы, составлявшие несколько меньше половины всего числа членов Государственного совета» (33). Из замечаний В.Н. Коковцова следует, что «к этой группировке примкнуло сравнительно небольшое количество членов по назначению, из партии “центра”» (34).

То есть Коковцов считал, что члены по назначению из кружка внепартийного объединения не примкнули к «Прогрессивному блоку». Это уменьшает состав блока на 11 членов: князь Б.А. Васильчиков, П.А. Игнатьев, барон Ю.А. Икскуль-фон-Гильденбандт, граф В.Н. Коковцов, А.Ф. Кони, С.М. Лукьянов, И.И. Новицкий, Н.Н. Покровский, П.А. Сабуров, Ф.Ф. Трепов, А.Н. Щербачев. А.Н. Наумов относил к участникам «Прогрессивного блока» всю группу центра и левую группу. Только лица, «принадлежавшие к “правой” группировке, и весь “правый центр”, возглавляемый А.Б. Нейдгартом, остались в стороне от этого прогрессивного объединения» (35). Таким образом, Наумов включает членов кружка внепартийного объединения в «Прогрессивный блок», в чем его поддерживает и П.Н. Милюков.

В докладе фракции прогрессистов, хранящемся в рукописном отделе Российской государственной библиотеки, не упоминается вообще о численности «Прогрессивного блока» в Государственном совете, там говорится о том, что «в Государственном Совете Блок не обладает большинством...» (36).

В отечественной историографии делались различные попытки уточнить состав «Прогрессивного блока» в Государственном совете.

В.С. Дякин отмечал качественный состав всех групп, вошедших в парламентский блок: «Эти переговоры привели 12 августа к созданию «Прогрессивного блока» в составе кадетов, прогрессистов, октябристов, центра и части националистов (во главе с В. Бобринским и Шульгиным) в Думе, ака-

демической группы и большей части центра в Государственном совете» (37). При этом опускается часть «внепартийных», действительно входивших в блок. По сравнению с монографией «Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917 г.)» Дякин делал акцент на то, что лишь часть членов группы центра входила в «Прогрессивный блок».

И.М. Пушкарева дала свое понимание состава блока: «В “прогрессивный блок” вошли: от Государственного совета – центральная академическая группа и так называемые внепартийные» (38). Е.Э. Новикова считала, что после объединения «прогрессивных групп» в Государственном совете после 1 августа 1915 г. можно говорить о фактическом объединении «3-х групп (90 чел.): левой, кружка внепартийного объединения и центра» (39).

Эта точка зрения представляется чересчур категоричной. Установить состав «прогрессивных групп» по групповым спискам возможно, но личных подписей членов Государственного совета под декларацией блока не существовало, поэтому личное отношение выявить крайне сложно. Например, И.Х. Озеров, хотя и входил в левую группу, считался по политическим убеждениям беспартийным (40). В.И. Герье, впоследствии крайне негативно относившийся к «Прогрессивному блоку» (41), числился в группе центра и оставался членом «Союза 17 октября». Ф.А. Иванов, который был избран в состав Государственного совета от торговли и промышленности, хотя и представлялся внепартийным, не примкнувшим ни к одной группе, но числился он в группе центра и никаких заявлений, связанных с выходом из группы центра в период образования «Прогрессивного блока», не делал.

Н.И. Булычев (кружок внепартийного объединения) характеризовался как не примкнувший ни к одной группе (42). И.И. Новицкий (кружок внепартийного объединения) перешел в свою новую группу из группы центра (43). Член группы центра Я.Е. Эрдели продолжал считаться состоящим в этой группе, поддерживающей «Прогрессивный блок» и его формулу вступления на путь отмены ограничений в правах евреев. Однако 29 сентября Я.Е. Эрдели, избранный от Херсонского губернского земского собрания, писал к О.М. Эрдели в Одессу по поводу избрания Г.Э. Вейнштейна в Государственный совет, резко протестуя против его избрания (44).

Незнание лидерами групп отношения членов своих групп к «Прогрессивному блоку» привело к ряду курьезных моментов, показавших значительные противоречия между обеими частями блока. В.И. Гурко (кружок внепартийного объединения), отвечая по вопросу совместной резолюции Думы и Государственного совета, отметил 2 ноября 1915 г.: «Но ни один беспартийный не назовет себя членом блока, а программу принимают» (45). Однако это смелое заявление противоречит сообщению, сделанному одним из членов левой группы, скорее всего Д.Д. Гриммом, Д.И. Багалею (левый) 21 ноября 1915 г.: «О кружке беспартийных не говорю, там Владимир Ио-

сифович (46) положительно Генерал без армии. В Гос. Думе дело, конечно, обстоит иначе, – там настроение твердое и решительное» (47). Да и сам Гурко в своих воспоминаниях отмечал крайне сложную обстановку в кружке внепартийного объединения, где не все симпатизировали образованию «Прогрессивного блока» (48). Одновременно обострившиеся противоречия в группе центра привели к тому, что даже такой активный участник заседаний бюро «Прогрессивного блока» Д.А. Олсуфьев заявил, что раз он персонально не подписывал декларацию блока, то можно говорить только о формальном провозглашении блока (49).

В связи с вышеперечисленным представляется, что правильнее будет говорить именно о подписании программы «Прогрессивного блока» от групп, без уточнения персонального состава. На момент подписания в «прогрессивные группы» входило 89 членов, и тесные контакты между этими группами Государственного совета не подлежат сомнению.

Активность отдельных членов левой группы, группы центра и кружка внепартийного объединения подменяла собой численный состав этих групп. При нежелании членов Государственного совета по назначению ставить свои подписи под любым документом политического характера сложилась парадоксальная ситуация, когда явное меньшинство «прогрессивных групп» начало разыгрывать политическую игру, не имея достаточной опоры в верхней палате. Все свои надежды лидеры блока в Государственном совете связывали с предстоящими выборами в верхнюю палату, рассчитывая получить на них незначительное большинство.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Новое время. – 1915. – 16 августа.
- (2) Речь. – 1915. – 5 августа.
- (3) Утро России. – 1915. – 6 августа.
- (4) Миллюков П.Н. Воспоминания. – М., 1990. – Т. 2. – С. 185.
- (5) Падение царского режима. – М.; Л.; 1926. – Т. 6. – С. 315.
- (6) Шидловский С.И. Воспоминания. – Берлин, 1923. – Ч. 2. – С. 45.
- (7) ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 265. – Д. 1031. – Л. 676.
- (8) Бельгард А.В. Воспоминания. – М., 2009. – С. 536.
- (9) ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 265. – Д. 1032. – Л. 1401.
- (10) Ковалевский М.М. Спасительный тормоз или губительная запруда? // Вестник Европы. – 1914. – Кн. 4. – С. 203.
- (11) Forty years of diplomasy by Baron Rosen. – L., 1922. – С. 200.
- (12) Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра: В 2 т. – М., 1999. – С. 399.
- (13) Бельгард А.В. Воспоминания. – М., 2009. – С. 338.
- (14) Красный архив. – 1932. – Т. 50–51 (1–2). – С. 122.
- (15) Миллюков П.Н. Тактика фракции Народной Свободы во время войны. – Пг., 1916. – С. 31.

- (16) *Шидловский С.И.* Воспоминания. – Берлин, 1923. – Ч. 2. – С. 44.
- (17) Красный архив. – 1932. – Т. 50–51 (1–2). – С. 127.
- (18) Там же. – С. 137.
- (19) РГИА. – Ф. 1642. – Оп. 1. – Д. 35. – Л. 87 об.
- (20) Там же. – Л. 88–89.
- (21) Красный архив... – С. 139.
- (22) *Милюков П.Н.* Тактика фракции Народной Свободы во время войны. – Пг., 1916. – С. 30.
- (23) Красный архив. – 1932. – Т. 50–51 (1–2). – С. 140.
- (24) Там же. – С. 141.
- (25) *Редигер А.Ф.* История моей жизни... – С. 388.
- (26) *Наумов А.Н.* Из уцелевших воспоминаний. 1968–1917. – Н.-Й., 1955. – Т. 2. – С. 447.
- (27) РГИА. – Ф. 1576. – Оп. 1. – Д. 235. – Л. 1 об.
- (28) *Милюков П.Н.* Тактика фракции... – С. 32.
- (29) Утро России. – 1915. – 22 августа.
- (30) *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919. – М., 1992. – Т. 2. – С. 334.
- (31) РГИА. – Ф. 1148. – Оп. 10: 1914 г. – Д. 7. – Л. 13 об. – 14.
- (32) *Наумов А.Н.* Из уцелевших воспоминаний... – С. 447.
- (33) *Корнилов А.А.* Парламентский блок. – М., 1915. – С. 17.
- (34) *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого... – С. 334.
- (35) *Наумов А.Н.* Из уцелевших воспоминаний... – С. 446.
- (36) РОРГБ. – Ф. 260. – К. 4. – Д. 10. – Л. 21.
- (37) Кризис самодержавия в России. 1895–1917. – Л., 1984. – С. 563.
- (38) *Пушкарёва И.М.* Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. – М., 1982. – С. 99.
- (39) *Новикова Е.Э.* Государственный совет в годы Первой мировой войны: Автореф. дисс. ... к.и.н. – М., 1986. – С. 17.
- (40) *Левенсон М.Л.* Государственный совет. – Пг., 1915. – С. 60.
- (41) ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 265. – Д. 1061(1). – Л. 1117; Ф. 102. – Оп. 265. – Д. 1032. – Л. 1433.
- (42) *Левенсон М.Л.* Государственный совет. – Пг., 1915. – С. 9.
- (43) РГИА. – Ф. 1148. – Оп. 10. 1914 г. – Д. 7. – Л. 3 об. – 4.
- (44) ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 265. – Д. 1033. – Л. 1561.
- (45) Красный архив. – 1932. – Т. 52/3. – С. 162–163.
- (46) Владимир Иосифович Гурко.
- (47) ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 265. – Д. 1038. – Л. 2028.
- (48) *Gurko V.I.* Features and figures of the past. Government and opinion in the reign of Nicholas II // Stanford-Oxford university press. – 1939. – P. 574.
- (49) Красный архив. – 1932. – Т. 52 (3). – С. 163.

**POLITICAL VIEWS OF STATE COUNCIL MEMBERS
AND «PROGRESSIVE BLOCK» STRUCTURE IN 1915**

A.N. Michurin

Department of History
St. Petersburg Polytechnic University
Polytechnicheskaya Str., 29, St.-Petersburg, Russia, 195251

The article regards the questions connected with the political straggle in the State Council and the State Duma during World War I, the peculiarities of organization work of the «Progressive Block» during the social and political crisis in 1915–1917, the influence of some matters on the integrity of its political existence.

Key words: The State Council, the State Duma, the «Progressive Block».